

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

СТРЕЛА
ЧИНГИЗХАНА

Сергей Васильевич Самаров
Стрела Чингисхана
Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7069450
Сергей Самаров. Стрела Чингисхана: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72784-1

Аннотация

На территории Ногайского района Дагестана орудует банда мурзы Арсланбекова. Благородный воин и народный мститель, Арсланбеков нападает только на представителей власти, которых поголовно считает преступниками и врагами. Жертв среди мирного населения мурза всеми силами старается избегать. Однажды по приказу Арсланбекова убивают главу местного УВД. Руководство региона поручает поиск преступников отряду спецназа ГРУ под командованием капитана Чанышева. Помимо поимки мурзы, перед подразделением ставится еще одна задача: протестировать в боевых условиях «умное» обмундирование нового поколения...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Самаров

Стрела Чингисхана

Пролог

Над невысокими холмами кружили два ястреба-канюка. Выискивали добычу. Канючили нечасто, но пронзительно, почти кошачьими голосами. Правда, очень уж несчастно. А в день одной такой птичке нужно больше десятка мышей, чтобы не испытывать чувства голода. Вот и кружат, обладая отменным зрением, выискивают добычу.

Роберт Ильханович Арсланбеков ехал верхом на вороном жеребце по холмистой степи и время от времени посматривал на птиц, завидуя их зрению. Хотя по человеческим нормам у него у самого оно было великолепное. Именно это зрение позволило Роберту Ильхановичу стать отличным стрелком. К седлу его лошади слева был приторочен лук в налучье, с правой стороны – колчан со стрелами. Оружие знаменитых предков, каждый из которых умел обращаться с ним лучше, чем современные солдаты со своими автоматами. И именно этим оружием была создана величайшая за всю историю человечества империя. Никакие народы не могли противостоять силе монгольских луков Чингисхана. И до сих пор в ногайской степи многие охотники лук предпочитают охотничьему ружью и даже винтовке. Лук, как символ былой славы, передается из поколения в поколение от отца к младшему сыну, потому что отец, согласно ногайским традициям, живет в доме младшего сына, который обязан о нем заботиться. Правда, и с современным оружием Роберт Ильханович обращаться умел, об этом говорил автомат за его плечом. Приклад автомата был сложен, чтобы не мешал, но разложить его недолго, нужно только кнопку стопора вдавить, сам приклад откинуть, можно стрелять прицельно. А если стрелять от пояса, тогда можно приклад и не откидывать. Роберт Ильханович хорошо стрелял и так и так. Если в человеке есть дух воина, он всегда научится обращаться с любым оружием. А духом воина его наградила отец.

Отец Роберта Ильхановича лежал в больнице, и сын недавно ездил навестить его в Южно-Сухокумск¹. Чувствуя, что ему из больницы уже не выйти, отец велел младшему своему сыну забрать из дома лук и стрелы. Этот лук был уже очень старым. Отец говорил, что ему больше двух веков. С ним еще его предок в составе конницы генерала Платова брал штурмом Париж в тысяча восемьсот пятнадцатом году. Тогда полк ногайцев отличился храбростью и получил за это императорский штандарт. Лук принадлежал мурзе Уразлы, командиру полка. Отец был дальним потомком Уразлы по мужской линии, но уже не назывался мурзой. Это слово искоренила советская власть точно так же, как увезла куда-то, как позорное пятно прошлого, и сам императорский штандарт, хранящийся у потомков мурзы Уразлы. Хорошо еще, что вместе со штандартом дедушку не увезли. В те времена так со многими поступали. Сам Уразлы вел свой род от хана Берке, отделившего ногайцев от Золотой Орды, а хан Берке вел свой род от Ногая. Ногай, в свою очередь, – от Чингисхана. Значит, и Роберт Ильханович тоже считался чингисидом, то есть потомком Повелителя Вселенной. Все это отец рассказал младшему сыну незадолго до своей смерти. Он и раньше что-то рассказывал, но только отдельными частями. А в этот раз все свел воедино. Но хорошо было уже то, что Роберт Ильханович сумел навестить отца. Пусть Южно-Сухокумск и небольшой город, тем не менее там никто не знал младшего сына больного старика. Может быть, в городском отделе полиции и висел его портрет, с тех пор как Роберта Ильхановича объявили в розыск, –

¹ Южно-Сухокумск – город на территории Ногайского района Дагестана, составляющий отдельный городской округ, не входящий в состав района. (Здесь и далее прим. автора.)

но кто рассматривает эти портреты, кто вообще сравнивает плохого качества принтерную распечатку с человеком и кто следит за тем, какие люди навещают больных? Это дома показываться было опасно, когда отец там лежал. Роберт Ильханович только звонил часто и разговаривал с отцом, который по болезни и вообще по старости уже не мог ходить. В родном селе Терекли-Мектеб Роберта Ильхановича знала каждая собака и практически каждый человек. А как не знать того, кто был когда-то директором единственной в райцентре школы. И все знают, что он в Дагестане сейчас называется эмиром Арсланбековым и объявлен во всероссийский розыск. Правда, не все в селе его осуждают. Это Роберт Ильханович знал хорошо. Многие сочувствуют, многие восхищаются им, кое-кто даже помочь готов. Но есть и такие, кто, завидев, как он в родной дом приехал, побегут докладывать в полицию или, что еще проще, просто позвонят – трубка сотовой связи сейчас есть у каждого, и к дому сразу направится машина. Одна из двух полицейских машин, что стоят перед крыльцом районного отдела внутренних дел. Вообще-то у них машин больше, но эти две всегда у крыльца дежурят. «Уазик», с «обезьянником» в багажнике, и «Форд Фокус» дорожно-патрульной службы. И те и другие – его враги. И те и другие виноваты в том, что произошло с директором школы. Они все не местные. Они дагестанцы, включая начальника районного отдела и его заместителей, и не могут быть своими людьми среди ногайцев. А сейчас и сам Роберт Ильханович больше находится в дагестанских горах, чем в милых его глазу ногайских степях. Так ногайцы и говорят – «в Дагестане», хотя официально Ногайский район тоже относится к Дагестану. Но никогда не говорят, что поехали в Чечню, если едут в гости к другим ногайцам, живущим по другую сторону административной границы двух республик, не считаясь с административным делением, а предпочитая деление национальное. Но теперь Роберт Ильханович гонимый – правда, он своих врагов не боится, а они его боятся. У того, кто не прав, всегда есть причина бояться. В Дагестане Арсланбекова зовут эмиром, но здесь его должны звать мурзой. Пусть боятся мурзу Роберта...

Хотя официально считается, что дом Роберта Ильхановича Арсланбекова находится в районном центре – в селе Терекли-Мектеб, в действительности от дома до самого села добрых шесть километров холмистой степи. То, что считается улицей, – всего-то навсего натопанная и нахоженная, изредка даже наезженная за сотню с небольшим лет дорога. Этот дом построил его дед, который жил с младшим своим сыном Ильханом, а потом жил Ильхан с младшим своим сыном Робертом. Но таков уж быт ногайцев. Они привыкли к простору и не любят тесноты и суеты. Дома у них всегда расположены далеко друг от друга. Раньше стояли юрты, теперь большинство живут в домах, хотя и сейчас, в двадцать первом веке, можно кое-где встретить юрту. Ногайцы традиции и привычки старших уважают. Конечно, райцентр в районе существует. И похож он на обычные райцентры по всей, пожалуй, России. Такие же улицы, такие же дворы, такие же дома. Может быть, кому-то это даже по сердцу приходится, когда вокруг много людей, но все же настоящие ногайцы живут в стороне от больших скоплений людей и только изредка выезжают в крупные населенные пункты, чтобы купить себе чая, сахара, крупы, муки и продать или, что чаще, сдать перекупщикам мясо и шерсть. Правда, кто ближе живет, тот и на работу в райцентр ходит. Как, например, ходил когда-то Роберт Ильханович. Иногда ходил, иногда ездил верхом, иногда – летом – на велосипеде. Был у него и свой мотоцикл, но ездить на мотоцикле Роберту Ильхановичу не нравилось. Мотоцикл слишком шумное средство передвижения. Едешь на мотоцикле и степь не слышишь. А степному человеку необходимо ее слушать. Эта степная тишина питает каждому степному человеку душу. Лучше уж лошадь. В школьном сарае у директора было специально стойло для лошади сделано. На лошадях иногда и кто-то из учащихся старших классов приезжал на занятия. Но для их лошадей стойла не делали, они просто к коновязи рядом со школой своих лошадей привязывали. И на переменах к ним выходили. Лошадь для ногайца – самый вер-

ный друг. Человек таким другом быть никогда не может. Человек так любить не умеет, как животное. Директора школы Роберта Ильхановича даже обвиняли в том, что он поощряет поездки детей в школу на лошадях. Но он поощрял, несмотря на косые взгляды начальства разных уровней, считая, что для ногайца привычка к седлу важнее привычки к сидению в автобусе. Конечно, школьные автобусы тоже были и собирали в школу самых маленьких, кто еще с лошадью управиться не мог. Но к тем, кто приезжал на лошади, директор школы относился иначе, чем к остальным. И его пример стал заразительным. Точно такая же ситуация скоро сложилась и в районном педагогическом колледже, где народные традиции тоже уважали.

И еще директор школы учил детей стрелять из лука. Как его в детстве учил отец, так и он учил своих учеников. Три раза в неделю проводил занятия в спортивной секции и сам с ними тренировался. Лук и лошадь создали ногайца – эта истина пришла из древности, и никакой автомобиль, никакой компьютер не в состоянии изменить человека, если он уважает своих предков. А потомок Чингисхана своих предков уважал всегда. Так его отец воспитывал с самого детства. Теперь отца не стало, а Роберт Ильханович не успел приехать на похороны. Он приехал только на могилу отца, чтобы проститься с ним. Простился по-мужски, без слез, но и без спиртного, хотя в последнее время многие мусульмане переняли это нехорошую привычку у северных соседей. Печаль в душе должна жить, ее нельзя заглушать алкоголем.

И забрал из дома лук со стрелами...

Звук двигателя автомобиля диссонировал со свистом степного ветра. Ветер в ногайской степи всегда восточный и обычно бывает сухим, хотя дует с Каспия. Но по дороге к степи проходит через другой район Дагестана и теряет свою влажность, хотя не теряет силу и часто называется штормовым. Звук двигателя своим неестественным рычанием сбивал с ритма даже порывы ветра. Даже не оборачиваясь, Роберт Ильханович сразу определил, что едет «уазик», предположил, что это полицейская машина. Может, кто-то увидел его издали, узнал и его, и лошадь и позвонил в полицию. Его вороного жеребца по кличке Ветер все соседи, да и не только они, хорошо знали, хотя в последнее время видели редко. Не слишком высокий, но обладающий длинным сильным корпусом, Ветер был быстр и не ведал усталости. Он готов был посоревноваться в скачке с кем угодно, хоть с автомобилем. Тем более что автомобиль ехал не по дороге и не со стороны Терекли-Мектеб, а со стороны дома. Значит, полицейские уже и дом навестили, убедились, что там нет человека, которого они ищут, и поехали за ним. Направление определить нетрудно.

«Уазик» постоянно нагонял всадника, и Роберт Ильханович чуть тронул пятками бока жеребца, не резко, но набирая скорость. До густых зарослей, через которые можно только проехать верхом или пройти пешком, оставалось не так далеко, однако, если скорости не добавить, машина догонит его раньше. Свободный неторопливый шаг скоро перешел в легкую рысь, потом в рысь уже достаточно быстрюю. Но, перед тем как пустить вороного в галоп, Роберт Ильханович все же обернулся, чтобы проверить свои подозрения. Да, за ним гнался полицейский «уазик». Роберт Ильханович помахал полицейским рукой, одновременно приветствуя их и приглашая в погоню, и пустил жеребца в галоп.

Ветер умел спорить даже с ветром...

Легенда рассказывала, как родился Чингисхан.

Его мать преследовали враги. Она гнала коня, отстреливаясь из лука, и одновременно рожала будущего Повелителя Вселенной. А когда родила, то прижала его коленом к крупу коня и продолжала скакать и отстреливаться. Новорожденный не плакал... Он чувствовал тепло тела разгоряченного коня так же, как и тепло тела матери, и это успокаивало его.

Может ли после этого потомок Чингисхана не чувствовать себя и своего коня одним целым! Да он просто права на это не имеет.

Роберт Ильханович гнал Ветра и чувствовал себя с ним одним целым. Он пригнулся к его шее, как только прозвучала первая автоматная очередь. Но пули даже не свистели над головой за спиной всадника, а пролетали, неслышимые, куда-то в сторону. Снова подтолкнув Ветра пятками, поскольку никогда не пользовался шпорами, Роберт Ильханович отпустил повод, давая коню волю, легко снял с плеча ремень автомата, чуть выпрямился, обернулся и дал в ответ подряд три короткие очереди. «Уазик» был уже недалеко, и попасть в такую большую цель было для Роберта Ильхановича несложно. Он видел, как первая очередь прорвала металл капота, но двигатель не повредила. Автомобиль как ехал, так и продолжал ехать. Вторая и третья очереди угодили выше и оставили дыры в лобовом стекле. «Уазик» завилжал, но быстро выровнял движение и темпа погони не потерял. Возможно, водитель был задет пулей, что только озлобило его и придало упорства. Может быть, и еще кому-то досталось. Если на заднем сиденье сидели трое, то пули должны были попасть примерно в этого третьего. Современные пули у автомата легкие, бронежилет не пробьют, но если они попали в открытые части тела, то у полиции уже есть потери. Это придало Арсланбекову сил. И Ветру тоже.

Из машины снова начали стрелять. На этот раз пули пролетели рядом. За себя Роберт Ильханович не беспокоился, хотя и был без бронежилета. Он беспокоился за Ветра. Если пуля попадет в лошадь, это беда, потому что раненая лошадь не скажет ничего о своем состоянии и трудно будет найти ветеринара, который сможет помочь. В тех условиях, в которых жил Роберт Ильханович, найти трудно, разве что здесь, в степи...

Но стрельба полицейских была просто жестом отчаяния. Они уже понимали, что не в состоянии догнать всадника. На их месте сам Роберт Ильханович просто остановился бы, чтобы не бросало во время движения ствол автомата, прицелился бы хорошенько и дал точную очередь. Но полицейские не сообразили сделать это. И это была их беда, а не его вина.

Ветер уже был в зарослях можжевельника, и оставалось около десяти метров до густого ивняка, растущего с двух сторон по берегам ручья, когда раздалась последняя, отчаянная и неприлично длинная очередь. Конь вздрогнул и совершил большой скачок. Значит, случилось то, чего мурза больше всего опасался: пуля достала его. Но Ветер не остановился, он пронес всадника через низкорослый можжевельник, грудью проломился сквозь густой ивняк и ступил в ручей. Ветер хорошо знал, что воду из этого ручья пить нельзя, и даже не склонил к ней голову. Можно было пересечь ручей, проехать сквозь заросли другого берега и там подняться на береговой холм, но Роберт Ильханович, сильно встревоженный ранением Ветра, повернул коня вправо, заставив его идти вверх по руслу.

Как он и предполагал, звук двигателя приблизился к береговым зарослям вплотную и там затих. Полицейские надеялись, что Роберт Ильханович решит сразу взобраться на прибрежный холм и станет для них доступной мишенью. Сам подъем для такого быстрого и сильного коня, как Ветер, занял бы минуты две, не больше. Но за две минуты можно расстрелять весь запас патронов, что имелся у полицейских. Стрелки они никудышные, тем не менее смогли же, пусть и нечаянно, ранить Ветра. Могут так же нечаянно и убить.

О себе мурза Роберт Ильханович даже не думал. Он не боялся смерти. Однажды, когда умирал его дедушка, маленький Роберт спросил старика, страшно ли умирать.

– А что такое смерть? – ответил дед. – Это переход от одной жизни к другой. Наверное, кому-то страшно, но я не боюсь, потому что знаю. Когда человек рождается, он плачет и кричит. Ему страшно. Он перешел от одной жизни к другой, к незнакомой, и потому волнуется. Он еще ребенок, ничего не знает и не понимает. А я уже не ребенок. И я новой жизни не боюсь, потому что эту прожил честно. Сама смерть никогда не бывает страшной. Страшно ожидание ее. Но опять же, если человек умеет думать, ему и это не страшно.

Слова бабушки глубоко запали в душу и остались там навсегда. Поэтому Роберт Ильханович не боялся перехода от одной жизни к другой. Он тоже никогда в жизни не подличал и надеялся, что другая жизнь примет его не хуже, чем принимала эта...

Ветер прошел по руслу ручья около тридцати метров. После очередного поворота, а поворотов здесь было множество, Роберт Ильханович остановил коня и спрыгнул с седла. Он хотел спрыгнуть сразу на берег, но одна нога соскользнула, и попала в ледяную воду. Впрочем, мурзу это не сильно волновало: он не имел склонности к простуде. Сняв с седла налучье с луком и колчан со стрелами, он перекинул через одно плечо ремень колчана, а через второе ремень налучья, а сам лук вытащил. Вытащил и сразу наложил на тетиву стрелу.

Необходимости привязывать коня не было: Ветер был хорошо обучен. Не имея такой крепкой и мощной груди, как у Ветра, Роберт Ильханович вынужден был боком протискиваться между ивняком. Но все же протиснулся и вышел в можжевельник. Разговор и мат полицейских был слышен издали. Они друг друга, кажется, были готовы расстрелять из-за того, что упустили его. Они его упустили, но он их не упустит. Обида за коня требовала отмщения.

Низкорослый можжевельник вынудил его пригнуться и добираться до места, откуда полицейские будут видны, на четвереньках. Ориентируясь по голосам, Роберт Ильханович натянул тетиву лука, быстро приподнялся, прицелился за пару секунд и пустил стрелу. Еще перед выстрелом он успел заметить, что все полицейские, а их было четверо, носили бронежилеты. Но сильный лук, будучи не способным справиться с бронежилетом, легко справлялся с человеческими костями. Стрела пробила полицейскому череп, войдя чуть ниже затылка, и вышла где-то в области глаза. Полицейские не сразу поняли, что произошло. Реакция оказалась замедленной. А потом их лица вытянулись в удивленном испуге. Это дало возможность бывшему директору школы пустить и вторую стрелу. И снова в голову. Вернее, в глаз, потому что цель стояла лицом к стрелку. Только тут двое оставшихся сообразили, что происходит, и, вместо того чтобы залечь, бегом бросились к машине. Но до машины было добрых полста метров. Следующая стрела ударила полицейского в копчик, пробив тело насквозь. Бронежилет без «юбки» не прикрывает низ позвоночника и крестец, а полицейские традиционно не любят пристегивать «юбку» к бронежилету, предпочитая обходиться без лишней тяжести.

В последнего противника Роберт Ильханович прицеливался дольше, чем в других, даже рука от усталости задрожала, и это, наверное, помешало сделать прицельный выстрел. Стрела только скользнула по голове, оторвав полицейскому оттопыренное ухо. Тот упал, но быстро поднялся и стал от живота поливать длинными неприцельными очередями можжевельник и ивняк. Теперь Роберт Ильханович, не желая утомлять руку долгим натяжением, выстрелил так, как учил его отец. Этот метод стрельбы вообще-то рекомендуется для всадников, но никто не запрещает его применять и пешему воину. При такой стрельбе пальцы правой руки придерживают тетиву, а левая выбрасывает вперед сам лук. При этом указательный палец предпочтительно держать так, чтобы он показывал туда, куда следует попасть. Сейчас палец показывал на лицо последнего полицейского. И стрела попала точно туда, куда хотел мурза. Последний противник упал.

На всякий случай Роберт Ильханович наложил на тетиву еще одну стрелу и двинулся вперед. Первые двое полицейских признаков жизни не подавали. Сначала он хотел вытащить из убитых стрелы, но потом понял, что их придется просто обламывать, иначе не вытащить, и обломал наконечники и оперение. Новые стрелы сделать он сумеет сам. Последние двое были тоже мертвы, и Арсланбеков поступил со стрелами точно так же. И только после этого подошел к машине и открыл дверцу. На заднем сиденье сидел пятый полицейский. Этому досталось несколько пуль в голову, когда Роберт Ильханович отстреливался на скаку.

С погоней было покончено. Пора продолжать путь. Соратники ждали возвращения своего мурзы, хотя они и звали его не мурзой, а эмиром. Но они будут звать его так, как он скажет. В этом Роберт Ильханович не сомневался...

Полицейские склады вооружений расположились с угла большого хозяйственного двора областного управления МВД. Вообще на территории этого двора много чего располагалось. Здесь был и строительно-монтажный участок МВД, вместе со своими мастерскими и складами, и автоколонна МВД, и ремонтная база автоколонны, и отдел снабжения, и еще куча всяких подразделений, которым не нашлось места в главном здании и которым по долгу службы было удобнее располагаться на окраине областного центра. Днем здесь всегдалюдно и светло, но в нерабочее время вся территория поступала в распоряжение роты охраны, которая склонности к суете не имела, спокойно занималась своим делом и никого на территорию не впускала и не выпускала. Автоколонна МВД имела собственные ворота, и по мере необходимости бывало, что и ночью, машины выезжали за эти ворота, минуя территорию общего двора.

Рота охраны не была полноценной ротой, поскольку состояла всего из ста шести человек вместе с командиром и командирами взводов. Но этого хватало на три традиционные смены. Караул осуществлялся по армейским нормам. То есть дежурить часовым приходилось по два часа, после чего их сменяли и отправляли отдыхать, а через следующие два часа эта смена становилась «бодрствующей», то есть ждущей своей очереди для нового заступления на посты. Обязательность «бодрствующей» смены обуславливалась тем, что сразу после сна часовой еще не все понимает и плохо соображает, потому «бодрствующей» смене спать запрещалось. Впрочем, призванные на службу полицейские давно уже научились спать с открытыми глазами, и вся «бодрствующая» смена выходила на дежурство в полусонном состоянии. Это, впрочем, никого не волновало, поскольку традиционно считалось, что люди, которых полиция может задержать, будут по возможности держаться от нее подальше.

Смена часовых только что прошла, и разводящий со снятой с постов сменой только-только успели вернуться в караульное помещение, когда на улице, рядом с бетонной стеной хозяйственного двора, появился всадник. Он ехал неторопливо и тоже, кажется, дремал в седле, по крайней мере голову держал опущенной. Вид всадника часового на угловой вышке не удивил. Здесь все-таки казачий край, время от времени можно даже на центральной улице областного центра встретить верховых казаков, задористо поигрывающих своими нагайками.

Часовой с угловой вышки сам был с Урала. Там тоже ходили по улицам казаки, только верхом не ездили. Шашки они гордо придерживали левой рукой, а в правой тоже держали нагайку как символ чего-то непонятного. Если бы это была власть, то в руках следовало иметь «державу», если это был какой-то символ, то правильно было бы дать этому символу какую-нибудь рекламу. Скорее, нагайка в руках уральских казаков выглядела только атрибутом костюма, поскольку вместо лошадей казаки пользовались автомобилями, которые нагайкой подгонять бесполезно. За эти костюмы с лампасами и с нагайками казаков там и звали ряжеными. Потому у часового на вышке отношение к местным казакам было слегка высокомерное. Вот он и посчитал, что уделять внимание всаднику для него, держащего в руках настоящий автомат с боевыми патронами, слегка унижительно, и отвернулся, показывая собственную невозмутимость и равнодушие. Но часовой зря так поступил. Едва он отвернулся, подставив взгляду всадника свою спину, как в руках у того откуда-то сбоку появился лук, стрела легла на тетиву и через несколько секунд запела, разрезая воздух. Часовой упал на перила своей вышки. Но перила были высокие, и он не перевалился через них, а тихо, без стука, сполз на пол.

Всадник тем временем оглянулся, молча поднял руку, и тут же из кустов по другую сторону дороги выскочили несколько человек в камуфляже и с оружием в руках. Не дожидаясь, когда они преодолеют полсотни метров, всадник снял с седла веревку с небольшим якорем, скрученную в кольцо, раскрутил над головой и забросил якорь на перила вышки. Тут и помощники его подбежали. Всадник быстро передал конец веревки кому-то из них, закрепил на спине лук в налучье, на боку – колчан со стрелами, спрыгнул с коня и отдал повод одному из помощников, судя по виду мальчику лет пятнадцати-шестнадцати. Тот легко вскочил в седло, но не поскакал, а так же спокойно, как раньше сам всадник, повернул за угол и поехал вдоль забора.

– Начинаем, мурза? – спросил один из подбежавших.

– Я, Бийтулла, кажется, уже начал, – спокойно ответил Роберт Ильханович, подергал веревку, проверяя лишний раз ее прочность, и, уперевшись ногами в стену, стал перебирать руками, поднимаясь вверх. Ножницы по металлу, чтобы разрезать колючую проволоку, ему не понадобились, поскольку веревка помогла просто перешагнуть через кольца «колючки», оттолкнуться от забора и, как на качелях, добраться до лестницы вышки. Ухватившись за перила, Арсланбеков перебрался на лестницу и дернул тот конец веревки, который держали его помощники. Веревка сразу стала вытягиваться за забор. Через пару минут к Арсланбекову присоединился первый помощник, следом за ним, уже через десять минут, за забором оказались все.

– Ваап, второй склад по правой стороне, – распорядился мурза Роберт. – План сигнализации не забыл?

– Зачем он мне... – сказал Ваап Эбзеев, который первым перебрался вслед за Арсланбековым. Он сам когда-то разрабатывал в институте системы сигнализации и уверял, что нет такой, которую он не сможет отключить. – Мне сигнализацию подавай... – И бегом побежал в сторону склада.

Металлическая коробка с красной лампочкой сигнализации располагалась рядом с дверью. Ваап снял с бедра пластмассовую коробку с инструментами, укрепленную там с помощью резинок, раскрыл, вытащил кусачки и несколькими движениями перекусил гофрированную оболочку проводов. Из той же коробки был извлечен еще один инструмент, похожий на щипцы, но концы этих щипцов не смыкались. Кроме того, от обеих ручек шли провода к какому-то прибору, установленному в пластмассовой коробке. Ваап по отдельности проверил каждый из трех скрученных проводов и удовлетворенно кивнул:

– Все ясно.

Из пластмассовой коробки была извлечена длинная игла с пластиковой изолированной рукояткой. Ваап вытянул из скрутки только два провода и проколол их один за другим так, чтобы игла проходила не через изоляцию, а касалась самих проводов. На торце рукоятки иглы засветилась слабая лампочка-диод.

– Готово. Работайте! – сделал он отмашку рукой остальным, уже стоящим около двери.

– Джумагелди, приступай! – распорядился мурза.

Джумагелди Пшеунов, бывший капитан милиции и одновременно вор, много лет удачно совмещавший обе профессии, не исключаящие, как оказалось, а только помогающие одна другой, большой специалист по работе с отмычками, шагнул к двери, вытаскивая из кармана целую связку своих инструментов, нацепленных на большое кольцо. С большим навесным замком, впрочем, возиться не стали, его просто сорвали ломом, позаимствованным с пожарного щита, расположенного здесь же. Оставались еще два внутренних замка. Ими и занялся Джумагелди. Работа много времени не отняла, и двойные двери склада вскоре распахнулись. Мурза Роберт сначала вошел в склад и только потом включил фонарик. Но смотрел он не по сторонам, а в бумажку, в которую светил, и показывал, куда идти.